

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВА ЛЮБВИ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА»

Современная тенденция к интегрированию научного знания способствует включению мотива как изначально литературоведческого понятия в сферу интересов лингвистов. Когнитивный подход в лингвистике позволяет рассматривать мотив не только как компонент семантической структуры текста [6], но и как текстовую категорию, воплощающую авторское мировоззрение и формирующую специфические черты идиостиля писателя [8].

Цель настоящей статьи – проанализировать языковые средства формирования одного из ведущих мотивов повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» – мотива любви – в его взаимосвязи с мотивами второго плана и выявить особенности авторского мировоззрения, отраженные в мотивном комплексе.

Объектом исследования является собственно авторская речь (не включающая речь персонажей), организованная с точки зрения наблюдателя. Наблюдатель – один из трех типов повествователя (наряду с формальным рассказчиком и отвлеченным авторским сознанием), выделенный нами при анализе субъектной организации авторского повествования в повестях Н. В. Гоголя (цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки») [3]. Композиционно-речевой тип наблюдателя включает комплекс мотивов, которые выполняют сюжетообразующую функцию и эксплицируют идейно-эстетический план повестей.

Когнитивный анализ речевой структуры, организованной с точки зрения наблюдателя, позволил выявить ядерные и периферийные смыслы, формирующие мотивы. Для этого была проанализирована частотность, повторяемость лексических единиц, их взаимосвязь и взаимодействие (текстовая парадигматика) и особенности сочетаемости (текстовая синтагматика), в результате чего языковые средства были объединены в лексико-тематические группы (ЛТГ).

На следующем этапе исследования мотивы дифференцировались на ведущие – мотивы первого плана – и периферийные – мотивы второго плана – по двум критериям: 1) сюжетообразующая роль мотива; 2) семантическая валентность мотивов. В речевом плане наблюдателя семантически наиболее нагруженными оказались мотивы дороги (пути), торговли, любви, сатаны – все четыре мотива развивают основные сюжетные линии повести и имеют одинаковую семантическую валентность, связаны между собой как на эксплицитном, так и на имплицитном уровнях. Мотивы второго плана (это мотивы времени суток, встречи, красоты природы, питания, смеха/веселья, свадьбы/супружеских отношений, человеческой внешности, страха) преимущественно связаны с ведущими мотивами, а не между собой, углубляют их, обнаруживают их взаимодействие.

Рассмотрим особенности формирования одного из ведущих мотивов повести «Сорочинская ярмарка» – мотива **любви**¹. Примечательно, что в речевом плане наблюдателя не употребляются лексемы, прямо называющие чувство любви. Данный мотив косвенно раскрывается через описание поведения и отношений двух пар героев: Параски – Грицько и Хиври – поповича. Приведем фрагменты текста, в которых отображается поведение каждого из героев пары.

Поведение Параски по отношению к Грицько:

слова: «Ай да дивчина!» – поразили слух ее;

красавица не могла не заметить его загоревшего, но исполненного приятности лица и огненных очей, казалось, стремившихся видеть ее насквозь, и потупила глаза при мысли, что, может быть, ему принадлежало произнесенное слово;

(когда увидела Грицько) жилки ее вздрогнули, и сердце забилося так, как еще никогда, ни при какой радости, ни при каком горе: и чудно и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что делалось с нею;

дочка его и парубок спокойно стояли, обнявшись и напевая друг другу какие-то любовные сказки, позабыв про все находящиеся на свете свитки;

подперши локтем хорошенький подбородок свой, задумалась Параска, одна, сидя в хате. Много грез обвивалось около русой головы. Иногда вдруг легкая усмешка трогала ее алые губки и какое-то радостное чувство подымало темные ее брови, а иногда снова облако задумчивости опускало их на карие светлые очи;

не успела Параска переступить за порог хаты, как почувствовала себя на руках парубка в белой свитке, который с кучею народа выжидал ее на улице.

Поведение Грицько по отношению к Параске:

продолжал парубок в белой свитке, не сводя с нее (Параски) глаз;

говорил он ей вполголоса, взявши ее за руку;

дочка его и парубок спокойно стояли, обнявшись и напевая друг другу какие-то любовные сказки, позабыв про все находящиеся на свете свитки;

как почувствовала себя на руках парубка в белой свитке, который с кучею народа выжидал ее на улице.

Для описания отношений Параски и Грицько значимыми являются лексемы, называющие эмоциональную и поведенческую реакцию героев друг на друга, а также их переживания: *слова поразили слух, не могла не заметить, потупила глаза при мысли, жилки ее вздрогнули, сердце забилося, и чудно и любо ей показалось, не могла растолковать, что делалось с нею, не сводя с нее глаз.*

Поведение Хиври по отношению к поповичу:

грозная сожительница Черевика ласково ободряла... поповича;

лепетала заботливая Хивря;

проговорила она, ставя на стол миски и жеманно застегивая свою будто ненарочно расстегнувшуюся кофту;

отвечала дородная красавица, притворяясь непонимающею;

¹ Примечание: ранее нами был представлен анализ языковых средств формирования двух мотивов - мотива дороги [4] и мотива сатаны [5].

сказала Хивря, стыдливо потупив глаза свои.

Поведение поповича по отношению к Хивре:

шепотно произнес попович;

продолжал попович, умильно поглядывая на нее и подсовываясь поближе;

шепотом произнес попович, держа в одной руке вареник, а другою обнимая широкий стан ее (Хиври).

Для характеристики отношений Хиври и поповича значимыми оказались языковые средства: *ласково ободряла, лепетала, заботливая, жеманно, будто ненарочно растегнувшуюся, притворяясь непонимающею, стыдливо потупила глаза, шепотом, умильно поглядывая на нее, подсовываясь поближе, шепотом, обнимая широкий стан.*

В речевом плане наблюдателя чувства героев не называются напрямую, не сообщается об их любви, а описываются жесты, мимика, поведение, через которые и проявляется отношение героев друг к другу, раскрываемые через противопоставление. Так, для чувств Параски и Грицько характерны нежность, романтичность, восхищение, искренность, открытость, они не боятся демонстрировать окружающим свои чувства. Отношениям Хиври и поповича свойственны вождение, телесность, притворство, причем их встреча происходит тайком от окружающих, скрытно.

Анализ текстового материала показывает, что мотив **любви** взаимосвязан с такими мотивами второго плана, как мотивы человеческой внешности, супружеских отношений, питания, времени суток, встречи, страха.

Мотив **человеческой внешности** также раскрывается через прием антитезы, причем противопоставляются те же две пары героев: с одной стороны, Параска и Грицько, а с другой – Хивря и попович.

Рассмотрим языковые средства, используемые для характеристики женских персонажей.

Наименования Параски и описание ее внешности: *девушка в восемнадцать лет; хорошенькая дочка; красавица наша; безвинная падчерица; чернобровая; дочка красавица; его (Грицько) любезная; черные брови, ровными дугами поднимающиеся над светлыми карими глазами; беспечно-улыбающиеся розовые губки; хорошенькие глазки; очаровательная головка; веселенькое личико; круглое личико; повязанные на голове красные и синие ленты, которые, вместе с длинными косами и пучком полевых цветов, богатою короною покоились на ее очаровательной головке.*

Наименования Хиври и описание ее внешности: *пожилая красавица; злая мачеха; разряженная сожительница; неугомонная супруга; дородная щеголиха; разгневанная супруга; сожительница Солопия; что-то дикое, неприятное (в лице); особенная важность; красное, полное лицо; красные щеки ее превратились в огненные; в нарядной шерстяной зеленой кофте, по которой, будто по горностаевому меху, нашиты были хвостики, красного только цвета, в богатой плахе, пестревшей, как шахматная доска, и в ситцевом цветном очипке, придававшим какую-то особенную важность ее красному, полному лицу.*

Заметим, что при наименовании Параски, а также при описании ее внешности и одежды, в речевом плане наблюдателя используются слова, нейтральные

по стилистической окраске или имеющие одобрительную окраску. На словообразовательном уровне положительный образ создается при помощи суффиксов с уменьшительно-ласкательным значением: -к-, -ик-, -еньк-. При описании Хиври, наоборот, употребляются слова с разговорно-неодобрительной стилистической окраской, что на словообразовательном уровне выражается разговорным суффиксом -их-.

При наименовании обеих героинь используется субстантив *красавица*, трактуемый в словаре как «женщина с красивой внешностью», в свою очередь, «красивый – доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом, гармоничностью, стройностью, прекрасный» [2, С. 303].

Однако оценочный компонент атрибутивной лексики, характеризующей Параску и Хиврю, различается. Так, по отношению к Параске субстантив «красавица» сочетается с прилагательными, имеющими положительную оценку (*красавица – молодая – безвинная – беспечная – хорошенькая – очаровательная*), и употребляется в прямом значении: создается образ хотя и несколько легкомысленной, но прелестной девушки. Атрибутивно-субстантивный ряд лексем, характеризующих Хиврю, реализует в контексте неодобрительную оценку персонажа (*красавица – пожилая – злая – разряженная – щеголиха – дородная – важная*), а субстантив «красавица» приобретает ироничное звучание, в результате чего признак красоты отрицается, а в образе Хиври подчеркивается отталкивающая нелепость ее внешности.

Подобное переосмысление наблюдается и у прилагательного *богатый*. Так, при описании внешности Параски отмечаются ее длинные косы, которые уложены вместе с красными и синими лентами и пучком полевых цветов в *богатую корону*. Метафора наводит на мысль о естественной, простой красоте девушки, цветовая гамма *синий – красный* создает ощущение свежести и подчеркивает юный возраст героини. В образе девушки показано истинное богатство природной, естественной красоты.

Эпитет *богатый* используется и при описании Хиври: была одета в *богатую плахту* (нижняя одежда женщин), но она *пестреет, как шахматная доска*. Хивря одета в нарядную шерстяную кофту, которая сравнивается с горностаевым мехом (как известно, королевским, самым ценным). Однако эта кофта выглядит нелепо, так как сама она зеленая, а по ней нашиты красные хвостики. Дисгармоничное сочетание цветов подчеркивается синтаксическим строем фразы: *зеленая кофта, по которой... нашиты были хвостики, красного только цвета*. Слово *только*, употребленное в значении противительного союза «но, однако», противопоставляет зеленый и красный цвета, усиливая дисгармонию образа и подчеркивая зрелый возраст героини. Хивря искусственно старается приукрасить себя, но в итоге создается отталкивающий образ пожилой, разряженной женщины.

Параска и Хивря характеризуются в авторском повествовании более подробно, чем Грицько и попович, тем не менее при описании последних прослеживается такая же закономерность: герои противопоставляются по внешности, одежде, поведению.

Наименования и внешность Грицько: *парубок, одетый пощеголеватее прочих, в белой свитке, в серой шапке решетиловских смушек; подпершись в бока,*

молодецки поглядывал; загоревшее, но исполненное приятности лицо, огненные очи; разгульный парубок; с яркими очами; нареченный зять его (Черевика); налил кружку величиною с полкварти и, нимало не поморщившись, выпил до дна, хватив потом ее вдребезги.

Наименования и внешность поповича: *трусливо лепившийся около забора; будто длинное страшное приведение; с шумом обрушился в бурьян; продолжал, подсовываясь ближе; глаза его выпялились.*

Описывая внешность и поведение Грицько, наблюдатель использует лексику с одобрительной окраской и создает образ приятного, щеголеватого молодца, подчеркивает статью и удаль Грицько, любит его; в описании внешности поповича отмечается его неуклюжесть, нелепость, наблюдатель относится к нему нарочито неодобрительно, насмешливо, что подчеркивается применением разговорно-просторечной лексики с неодобрительной окраской.

При описании внешности Параски и Грицько отмечается их молодость: *девушка в ошнадцать лет, молодецки поглядывал*; при описании внешности Хиври также говорится о возрасте: *пожилая красавица*, а при описании поповича наблюдатель обращает внимание на его неуклюжесть: *с шумом обрушился в бурьян*.

Таким образом, мотив **человеческой внешности** реализован в повести с помощью приема антитезы, который усиливает противопоставление отношений героев, заявленное в мотиве любви. Так, любовь Параски и Грицько сопровождается молодостью, красотой, невинностью, удалью, оценивается положительно и представляется в повести как естественное, закономерное чувство, одобряемое окружающими. В то же время не естественная, а мнимая, наносная красота Хиври, ее несуразная внешность, а также неуклюжесть и неловкость поповича подчеркивают порочность их отношений и делают их еще более непристойными в глазах окружающих.

У мотива любви в речевом плане наблюдателя прослеживается тесная связь с мотивом **супружеских отношений**. Проанализируем языковые средства, репрезентирующие мотив супружеских отношений, и их роль в раскрытии мотива любви.

В тех случаях, когда Хивря и ее муж Солопий Черевик взаимодействуют в фабуле повести или наблюдателю необходимо актуализировать информацию о том, что они женаты, для их наименования используются лексемы *супруга* (6 употреблений), *супруг* (2), *сожительница* (4), *сожитель* (1). Такие лексемы не отражают взаимной привязанности или душевной теплоты в отношениях Хиври и Черевика, а лишь подчеркивают официальные отношения между ними – они женаты.

Значимыми являются определения и обстоятельства, подчеркивающие характер отношения супругов друг к другу.

Хивря: *неугомонная, разгневанная* (2), *сильно наступавшая, грозная, нежная*. Первые четыре лексемы в контексте употребляются в прямом значении, в то время как прилагательное *нежная* активизирует ироничный подтекст и характеризует поведение Хиври в следующем контексте: *дребезжала на ухо нежная супруга, дергая его изо всей силы за руку*. Сочетаемость прилагательного

нежная (ср. значение глагола *нежить* – «содержать в неге, в холе, в приволе; ухаживать за чем или кем старательно; обходиться бережно, заботливо; баловать кого, неговать» [1, т. II, С. 562]) с глаголами *дребезжала* и *дергала*, усиленным дополнением *на ухо* и обстоятельством *изо всей силы*, отменяет признак, выражаемый лексемой *нежная*, и утверждает антонимичный признак – грубая, черствая, жесткая.

Черевик: *медленно выступавший, медленный, зевая и почесывая спину, стараясь выиграть время для своей лени*. Дважды употребляется корень *медл-* в наречии и прилагательном, что подчеркивает такие качества Черевика, как «мешкотный, неспорый; о чел. косный, вялый, нерешительный, непроторный» [1, Т. II, С. 312], подтверждаемые и характеристиками *зевая и почесывая спину, стараясь выиграть время для своей лени*.

Характеризуют взаимное отношение Хиври и Черевика предикативные конструкции, содержащие наименования действий супругов.

Хивря: *выучившаяся держать его в руках так же ловко, как он вожжи своей старой кобылы; месть ее обратилась на безвинную падчерицу и медленного сожителя; разгневанная сожительница не замедлит вцепиться в его волосы своими супружескими когтями; дребезжала на ухо нежная супруга, дергая его изо всей силы за руку; закричала*. Рассмотрим словарное толкование отдельных лексических единиц.

Держать в руках – фразеологический оборот, имеющий разговорную окраску и обозначающий «не давать воли, подчинять себе кого-либо» [6] (Хивря выучилась ловко подчинять себе Черевика).

Месть – «оплата злом за зло, обидой за обиду; злопамятство, готовность мстить» [1, Т. II, С. 321] (причем обиду нанес Хивре Грицько, а месть ее обратилась на падчерицу и супруга).

Вцепиться – «захватить крючком, соединить прицепив» [1, Т. I, С. 276]; *коготь* – «ноготь у пальчатых животных, у зверей, у птиц, гадов; употр. и в знач. ногтя у человека. || Острое железо крючком, напр. у багра» [1, Т. II, С. 129] (в контексте одновременно реализуется и прямое значение словосочетания *вцепиться когтями*, и метафоричное – соотнесение Хиври с животным, гадом или самим сатаной, – в обоих случаях словосочетание имеет неодобрительную окраску).

Дребезжала – «издавать заморенный звон, глухо звенеть, верезжать» [1, Т. I, С. 491]), *дергая* – «отрывисто тянуть, тащить урывком, внезапным движением, не исподволь» [1, Т. I, С. 429] (употребление глагола *дребезжала* и деепричастия *дергая* в одном контексте с наименованием *нежная супруга* приводит к ироничному переосмыслению поведения Хиври).

Закричала – «громко говорить; шуметь, спорить, вздорить, браниться» [1, Т. II, С. 195] (глагол демонстрирует повышенную тональность общения Хиври при обращении к мужу).

Черевик: *привыкнув издавна к подобным явлениям, сохранял упорное молчание и хладнокровно принимал мятежные речи разгневанной супруги; заметил и сам, что разговорился чересчур, и закрыл в одно мгновение голову свою руками; уклоняясь от сильно наступавшей супруги; говорил хладнокровно Черевик, видя,*

что пара дюжих цыган овладела ее руками. Дадим словарное толкование отдельных лексических единиц.

Привыкнуть – «приучиться временем, примениться, освоиться, приобвыкнуть» [1, Т. III, С. 405].

Упорный – «твердый, стойкий, настоятельный; упрямый, строптивый, непослушный» [1, Т. IV, С. 502].

Молчание – «состояние по значению глагола молчать», *молчать* – «безмолвствовать, тихнуть, затихать, не шуметь, не говорить, не издавать звука; терпеливо сносить, не роптать» [1, Т. II, С. 343].

Хладнокровно – «сдержанно, спокойно, обдуманно, равнодушно» [1, т. IV, с. 549].

Принимать – «брать в уважение, во внимание или уважить, согласиться; слушать, верить, признавать причиной» [1, Т. III, С. 429].

Разговориться – «беседовать на свободе, не спеша, переговорить обстоятельно; разбеседоваться, разболтаться, разбаяться» [1, Т. IV, С. 24].

Чересчур – «слишком, невмеру, чрезмеру, чрезмерно, излишне, слишком, излиха» [1, Т. III, С. 592].

Словарное толкование лексем, называющих отношения Черевика и Хиври, и наблюдения над их смысловым наполнением в контексте позволяют сделать следующий вывод: Хивря, подчинив себе волю Черевика, мстит ему за любую нанесенную ей кем-либо обиду, ведет себя по отношению к супругу грубо, жестко, несдержанно; за долгое время совместного проживания Черевик успел освоиться с буйным нравом супруги и выработал стратегию поведения, при которой он мог минимально страдать от действий Хиври. Стратегия эта заключается в том, что он стойко и терпеливо, не вступая в пререкания, сносит гнев супруги, предпочитает спокойно соглашаться с ее словами, не допускает свободно высказываться в ее присутствии и избегает общения с нею под любым предлогом.

Таким образом, отношения Черевика и Хиври строятся отнюдь не на взаимной любви и уважении, они приспособились жить вместе, их удерживает только привычка. Мотив супружеских отношений являет пример того, какими не должны быть отношения в браке. Такие отношения резко отличаются от отношений Параски и Грицько, а их следствием являются отношения Хиври и поповича как способ преодоления привычной и неприятной совместной жизни.

Мотив **пития** актуализируется во взаимодействии с мотивом любви в ситуации сговора, когда Черевик дает согласие на свадьбу Параски и Грицько. Вербализируется он несколькими фразами: *все трое очутились в известной ярмарочной ресторации – под яткою у жишовки, усеяною многочисленною флотиллею сулей, бутылей, флажек всех родов и возрастов; говорил Черевик, немного подгулявши и видя, как нареченный зять его налил кружку величиною с полкварти и, нимало не поморщившись, выпил до дна, хватив потом ее вдребезги; посмеиваясь и покачиваясь, побрел он с нею к своему возу.*

Во-первых, мотив представлен лексемами, называющими место пития и емкости с алкогольными напитками – *ярмарочная ресторация, сули, бутылки, флажки*. Во-вторых, мотив пития эксплицируется деепричастиями, характеризующими

ющими воздействие алкоголя на человека: *немного подгулявши, посмеиваясь, покачиваясь* – алкоголь выводит Черевика из рассудительного состояния, он становится веселым, проще воспринимает окружающий мир. В-третьих, значимыми при вербализации мотива являются лексемы, описывающие манеру питья Грицько, а также оценивающие действия парубка с точки зрения Черевика. Отметим лексемы, обладающие особой смысловой нагруженностью: *величиною с полкварти, нимало не поморщившись, выпил до дна, хватив вдребезги*. Лексемы выражают одобрение Черевика, умение парубка пить вызывает уважение будущего тестя и располагает к нему, в результате чего Черевик дает согласие на свадьбу.

Между мотивом **времени суток** и мотивом любви не прослеживается вербально выраженной связи, однако имплицитно эта связь существует: последовательность событий повести дает представление о том, когда происходят встречи влюбленных. Кроме того, поведение героев и обстановка также косвенно сообщают о времени суток. Так, для характеристики поведения Параски и Грицько значима фраза *Черевик ... увидел, что дочка его и парубок спокойно стояли, обнявшись и напевая друг другу какие-то любовные сказки* – влюбленные стоят на ярмарочной площади днем и не скрывают своих чувств от окружающих их людей. Скрытый характер отношений между Хиврей и поповичем подчеркивает фраза *грозная сожительница Черевика ласково ободряла трусливо лепившегося около забора поповича* – действие происходит поздно вечером или ночью.

Мотив времени суток поддерживает намеченную оппозицию в отношениях героев. Это проявляется в том, что все встречи Параски и Грицько, описываемые наблюдателем, происходят днем при большом скоплении народа: первая – по дороге на ярмарку, вторая – на ярмарочной площади и третья – на их свадьбе. То, что встречи происходят днем и принародно, не случайно: это подтверждает открытость отношений, герои не стыдятся своих чувств и не таят их от окружающих. В противоположность любви Грицько и Параски отношения Хиври и поповича тщательно скрываются, их единственная встреча, описываемая наблюдателем, происходит тайно, под покровом ночи, чтобы никто не увидел.

Проанализируем взаимосвязь мотива любви и мотива **встречи**. В повести описывается семь встреч, которые влияют на развитие отношений Параски и Грицько, и только одна встреча показывает отношения Хиври и поповича.

Рассмотрев первые две встречи (встреча Параски – Грицько и встреча Хиври – Грицько по дороге на ярмарку) в связи с мотивом дороги [4, С. 237–238], актуализируем заложенные в них смыслы, которые значимы для мотива любви.

Языковые средства, используемые для изображения первой встречи Параски и Грицько (лексемы, называющие зрительное восприятие и эмоциональную реакцию, а также описывающие внешность Грицько), свидетельствуют о взаимной симпатии, возникшей между героями. Языковые средства, описывающие встречу Хиври и Грицько (оценочные определения, средства описания действий героев), выражают возникшую между ними взаимную неприязнь, которая становится препятствием в любви Грицько и Параски.

Отметим обстоятельства и участников следующих трех встреч. Третья встреча – встреча Грицько и Параски на ярмарочной площади – развивает зародившуюся между героями симпатию, которая переходит в чувство любви. Четвертая встреча – встреча Черевика с Параской и Грицько на ярмарочной площади – заканчивается свадебным стовором: Черевик дает согласие на свадьбу Грицько и Параски. Пятая встреча – между Грицько и цыганом на ярмарочной площади – происходит, когда Грицько переживает из-за того, что Черевик под давлением Хиври отказал ему в руке Параски. Цыган предлагает Грицько решить проблему – переубедить Черевика.

Для описания этих трех встреч характерно употребление глаголов со значением зрительного восприятия, которые сигнализируют о начале встречи: *оглянулася – и парубок... стоял перед нею; увидел, что дочка его и парубок... стояли; посмотрел на него Грицько* (как отмечалось ранее, глаголы со значением зрительного восприятия маркируют и начало первых двух встреч повести).

Кроме того, для описания данных трех встреч используются языковые средства, называющие жестовые действия героев, которые контекстуально являются элементом приветствия: *почувствовала, кто-то дернул ее за шитый рукав сорочки; приятели побрались за шапки, и пошло лобызание; вскричал цыган, ударив по плечу парубка*. Такие жесты не только фиксируют начало дальнейшего общения, но и отражают тональность общения: непосредственное, интимное между Параской и Грицько; уважительное, любезное между Грицько и Черевиком; фамильярное, панибратское между Грицько и цыганом.

Характеристика состояния Параски в момент встречи с Грицько показывает ее трепет, волнение по отношению к возлюбленному: *жилки ее вздрогнули, и сердце забилося так, как еще никогда, ни при какой радости, ни при каком горе: и чудно и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что делалось с нею*.

Шестая встреча – встреча Черевика и цыгана – оказывается неожиданной и неприятной для Черевика, поэтому, в отличие от предыдущих встреч, момент начала встречи не фиксируется глаголами со значением зрительного или слухового восприятия, однако из контекста понятно, что Черевик услышал и увидел цыгана: *тут философствование Черевика прервано было толстым и резким голосом* (слуховое восприятие). *Перед ним стоял высокий цыган* (зрительное восприятие).

Встреча развивается стремительно: Черевик обнаруживает вместо лошади привязанный к узде рукав свитки, в испуге убегает, его хватают, связывают, потом он оказывается вместе с кумом под яткою, затем появляется Грицько и освобождает их. В итоге Черевик снова дает согласие на свадьбу Грицько и Параски – цель встречи цыгана с Черевиком оказывается достигнутой.

В описании седьмой встречи – встречи Параски и Грицько около хаты – не используются глаголы с семантикой зрительного восприятия, существенным оказывается глагол со значением осязательного восприятия: *не успела Параска переступить за порог хаты, как почувствовала себя на руках парубка*. Глагольная лексема *почувствовала* не только называет физический контакт героев, но и означает сближение их судеб: развитие отношений молодых людей завершается благополучно и заканчивается свадьбой, которой уже ничто не в силах помешать:

сказал Черевик, складывая им руки; кричала сожительница Солопия, которую... с хохотом отталкивала толпа народа; кричала Хивря, но никто не слушал ее; несколько пар обступило новую пару и составили около нее непроницаемую танцующую стену. Таким образом, несмотря на препятствование Хиври, Параска все-таки выходит замуж за Грицько.

Встреча Хиври и поповича развивается иначе: отсутствует выраженный вербально момент начала встречи, повествование начинается с описания того, как Хивря и попович вместе пробираются в дом кума.

Значимыми для характеристики встречи оказываются лексемы, называющие действующих лиц: так грозная сожительница Черевика ласково ободряла трусливо лепившегося около забора поповича. Наименование Хиври актуализирует информацию о том, что она замужем. Кроме того, употребляя в пределах одной фразы прилагательное *грозная* и наречие *ласково*, выражающие антонимичный смысл, автор иронизирует, показывая резкий контраст между отношением Хиври к мужу и отношением ее к поповичу. Наречие *трусливо*, имеющее явную неодобрительную окраску, и просторечно-неодобрительное причастие *лепившегося* в наименовании поповича выражают пренебрежительное, уничижительное отношение к нему автора.

Дальнейший ход встречи усиливает неодобрительную оценку как самой встречи, так и ее участников, что подтверждается использованием экспрессивной лексики: *лепетала, жеманно, будто ненарочно, дородная, притворяясь, стыдливо потупив; обрушился, болезненно, шепотно, умильно, подсовываясь, герой* (ироничное наименование поповича). Плотский характер отношений поповича и Хиври подчеркивается фразой *шепотом произнес попович, держа в одной руке вареник, а другую обнимая широкий стан ее*, синтаксический строй фразы и ее смысловое наполнение имплицитно вызывают закономерное соотнесение *вареника* и *стана* Хиври и демонстрируют похотливое отношение поповича к ней.

Цель встречи Хиври и поповича остается не достигнутой (в отличие от встреч Параски и Грицько), так как она прерывается внешними обстоятельствами: неожиданно возвращаются домой кум, Черевик, Параска и напросившиеся к ним в дом гости.

Развитие мотива встречи демонстрирует позицию автора относительно чувств Параски – Грицько и Хиври – поповича: любовь Параски и Грицько – естественное, одобряемое чувство, поэтому встречи, развивающие любовь молодых людей, логически завершаются свадьбой, отношения же Хиври и поповича не одобряются автором, поэтому их встреча прерывается.

Встреча Хиври и поповича актуализирует мотив **страха** в его взаимосвязи с мотивом любви. Анализ позволяет выявить лексико-тематическую группу, которая состоит из нескольких подгрупп слов.

Во-первых, лексемы, называющие разное проявление состояния страха: *трусливо, шепотно, шепотом, поспешно, без памяти, беспокойно, испуганная, перепугавший, сидела как на иголках, была ни жива ни мертва*.

Во-вторых, языковые средства, называющие реакцию на страх, которые также можно разделить на группы:

- лексические средства, называющие физиологическую реакцию на испуг (как правило, это первая реакция): *побледневшая, вареник остановился в горле, глаза выпялились*;
- глаголы со значением быстрого, резкого движения: *выбежала, вскочил, побежала* (скорость является вторичной реакцией на испуг);
- лексемы, называющие действие или состояние, связанное с потребностью побороть страх и действовать: *ободряла* (придавала уверенности), *придала духу* (придала смелости), *опамятовавшись* (придя в чувство).

Кроме того, мотив страха вербализируется лексемой *опасность* (*опасность придала духу нашему герою*) – «возможность, угроза чего-н. плохого» [2, С. 453], в данном контексте это угроза разоблачения обмана: Хивря и попович боятся, что их встреча, а следовательно, и отношения могут стать известными окружающим.

Итак, мотив страха во взаимосвязи с мотивом любви проявляется как боязнь разоблачения обмана, опасение того, что о недозволенных отношениях станет известно другим людям. При этом сам факт того, что Хивря и попович боятся быть раскрытыми, говорит о том, что они осознают запретность их отношений.

Подводя итог анализу материала, отметим, что основной модальный план комплекса мотивов любви, человеческой внешности, супружеских отношений, питания, времени суток, встречи, страха раскрывается через оппозицию двух пар действующих лиц – Параски и Грицько, Хиври и поповича. Модальность проявляется в противопоставлении двух шкал оценок любви: одобрение, сочувствие, сопереживание автора, если любовь сопровождается красотой, молодостью, чистотой чувств, открытостью, и, наоборот, высмеивание, неодобрение запретной любви, скрываемой от людей, основанной на обмане и нарушающей нравственные законы.

Таким образом, языковые средства формирования мотивов, а также обнаруженные между ними взаимосвязи как эксплицитно, так и имплицитно раскрывают реализованную в речевой структуре авторского повествования аксиологическую систему Н. В. Гоголя-автора как носителя концепции произведения, которая, несомненно, является частью мировоззрения писателя.

Список литературы

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2007.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Рос. академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополн. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
3. Салтымакова, О. А. К вопросу о критериях выделения типов повествователя // Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Часть II. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. – С. 294–297.
4. Салтымакова, О. А. Мотив дороги в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» // Актуальные вопросы гуманитарных наук: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Кемерово : КузГТУ, 2014. – С. 234–240.

5. Салтымакова, О. А. Языковые средства формирования мотива сатаны в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» // The 9th International conference on European Conference on Languages, Literature and Linguistics. – Vienna, 23th November, 2015. – P. 177–183.
6. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/motiv/?q=458&n=134> (Дата обращения: 12.04.2017).
7. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. – URL: http://enc-dic.com/rusphrase/_/ (Дата обращения: 12.04.2017).
8. Шантали́на, Ю. Я. Речевая репрезентация мотива движения в поэзии Н. С. Гумилева : (лингвокогнитивный аспект) : Автореф. дис. ... кандид. филол. наук. – Самара, 2007. – 17 с.